

Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Современная интерпретация идей А. В. Брушлинского: от холистического мышления к психологии человека как духовного преобразующего себя субъекта

В. В. Знаков (Москва)

*доктор психологических наук, профессор,
ФГБУН «Институт психологии РАН»; e-mail: znakov50@yandex.ru*

В статье анализируются три проблемы, которые важны как для А. В. Брушлинского, так и для современных исследований в разных областях современного социогуманитарного познания. Первая проблема – аналитичность и холистичность мышления людей. Вторая – анализ изменения угла зрения ученых на соотношение статики и динамики современного мира. Третья проблема заключается в необходимости переосмыслить деятельностные основания формирования духовности и других психологических качеств активного, преобразующего себя субъекта. Делается вывод, что направленность на преобразования человеком себя проявляется во многих видах современных психологических исследований – самодетерминации, изучении изменений в осознании собственной идентичности и других. Общим социогуманитарным контекстом этих исследований послужили размышления М. Фуко и П. Адо, а конкретно-психологическим – публикации А. В. Брушлинского. Используя метафору М. Фуко, именно А. В. Брушлинского в этой области психологического знания следует называть «основателем дискурсивности».

Ключевые слова: холистичность мышления, деятельность духовность, самопреобразование человека.

Все мы знаем высказывание известного поэта и критика XIX века Аполлона Григорьева: «Пушкин – это наше все». Сегодня огромное число российских психологов, причем разных поколений, хотя и не буквально, а метафорически могут сказать то же об Андрее Владимировиче Брушлинском. Что значит «все» и не является ли оно яв-

ной гиперболой? Не такое уж это и преувеличение, если проанализировать диапазон проблем, которые были объектами и предметами исследований ученого. К ним относятся вопросы о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности – недизъюнктивности и непрерывность организации психических процессов; проблема общественно-индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от С.Л. Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм.

В докладе я рассмотрю только три проблемы, значимые для исследований А. В. Брушлинского и развивающиеся в разных областях современного социогуманитарного познания. Во-первых, это мировоззренческая проблема аналитичности – холистичности мышления. Во-вторых, изменение угла зрения на соотношение статики и динамики современного мира. В-третьих, необходимость переосмысления деятельностных оснований формирования духовности и других психологических качеств активного, преобразующего себя субъекта.

Холистичность мышления

Начиная со второй половины XX в. аналитический и холистический стили мышления людей находятся в фокусе внимания ученых, работающих в самых разных областях социогуманитарного познания. Их исследования охватывают широкий диапазон проблем – от онтогенеза индивидуального развития до кросскультурного сравнения мировоззрений жителей Восточной Азии, Западной Европы и Северной Америки. Современные научные представления об аналитичности/холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р. Е. Нисбеттом с коллегами (Nisbett et al., 2001). Модель включает четыре основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция. Как показывают некоторые психологические исследования, креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач (Zhang, 2002). По моему мнению, это, безусловно, относится к А. В. Брушлинскому.

В основании холистического стиля мышления лежит признание уникального свойства мира быть в конечном счете неделимым и неразложимым на множества целым. На убеждении в неделимости, неделимонности, целостности мира человека строятся все его исследования. Как уточняет А. В. Смирнов, «целостность — ни в коем случае не целое, которое сложено из частей и распадается на части, о котором спорят, равно ли оно сумме своих частей или больше их. Целостность вообще не противопоставляется части. Целостность такова, что как будто замкнута на себя; но замкнута без того, чтобы иметь сдерживающие ее границы... Целостность раскрывает себя через обращенность к себе» (Смирнов, 2015, с. 173).

Убеждение в целостности многомерного мира человека играет роль одного из внутренних условий холистического мышления, потому что существует в психике познающего субъекта исходно, т. е. до категориального различения вещей. Психологам, особенно когнитивистам и специалистам по психологии понимания, это напоминает вневременные, внекультурные матрицы — интерпретационные схемы, фреймы, сценарии, ментальные репрезентации. Еще раз подчеркну, что целостность является внутренним условием холистического мышления, формирующимся в психике субъекта до осознания и понимания им того, что представляет собой целое. Из этого, в частности, следует, что целостность никогда не сводится к сумме ее частей: в социогуманитарном познании фрагментарность знания не означает невозможности построения человеком целостной картины мира.

Целостность психики субъекта, его системность, холистичность являются ключевыми моментами многих исследований А. В. Брушлинского. Не случайно, одна из его статей называется «Целостность субъекта — основание для системности всех его качеств» (Брушлинский, 2006, с. 510–523). Безусловно, холистична и вершина его творчества — психология субъекта. По его мнению, обоснованному во многих публикациях, именно категория субъекта наилучшим образом подходит для такого целостного изучения человека, которое способствует интеграции, объединению темперамента, черт личности, характера, активности и т. д. в интегративной индивидуальности человека. «Целостность, единство, интегральность субъекта есть основание для системности всех его, часто весьма противоречивых и трудно совместимых психических качеств» (там же, с. 525).

Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого способа рассуждений, для объяснения психологической природы холистичности в современном научном познании чаще используется процессуальный подход к анализу психических явлений, чем структурный.

В частности, в российской науке процессуальный подход применительно к психологии личности, развивается в работах Н. В. Гришиной и С. Н. Костроминой (Костромина, Гришина, 2018). Как утверждает американский психолог П. Джордано, целостную личность лучше всего понимать как процесс, а не как структуру. Это неудивительно, потому что процессуально центрированный подход к личности описывает ее как открытую, динамичную, изменяющуюся систему. В структурно центрированном подходе, ориентированном на западную модель онтологии бытия (Giordano, 2015), психологи изучают относительно стабильные личностные черты или целостную структуру Я. В этом подходе наиболее значимыми для психологического исследования личности признаются сравнения между индивидом и группой. В процессуальном подходе, культурным и философским основанием которого является онтология становления, внимание психологов фокусируется на понимании процессов и вариаций внутри человека, а также на их временной трансформации. Аксиомой процессуально центрированного подхода является объединение людей и ситуаций. Индивидуальная личность не может быть адекватно понята вне контекста, отдельные люди и ситуации неразделимы и взаимно связаны друг с другом (Giordano, 2017). Очевидно, что основные принципы процессуального подхода соответствуют четырем признакам холистического мышления по Р. Е. Нисбетту. «Фокус внимания» отражает склонность человека анализировать явления и социальные ситуации с учетом фона, контекста, в который они погружены. «Каузальная атрибуция»: для холистического полюса мышления характерен интеракционизм, т. е. склонность человека искать причины тех или иных событий и явлений в окружающей среде. «Восприятие изменений» — это холистическая склонность воспринимать события или явления не как статичные и неизменные, а как нелинейные и циклические. Наконец, «толерантность к противоречиям»: стремление так синтезировать противоречия в единое непротиворечивое целое, чтобы две противоречивые точки зрения воспринимались как нечто единое и потенциально объединяемое (Nisbett et al., 2001).

Действия как основа мироздания

Такая на первый взгляд чересчур обобщенная формулировка в том или ином виде содержится в публикациях, относящихся к самым разным наукам. Современные социологи говорят о том, что социокультурная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она

состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). Философ и арабист А. В. Смирнов видит логико-смысловую картину арабо-мусульманского мира как многообразие действий, по его мнению, мир состоит не из вещей-субстанций, а из вещей-процессов. Он объясняет это так: «Нам непривычно, быть может, называть вещью процесс. Но если мы понимаем под вещью нечто зафиксированное в качестве основания различения, нечто, способное стать носителем предикатов, то именно процесс должен быть назван здесь вещью. Процессуальность задает иную архитектуру сознания: оно устроено иначе, это верно; оно по-другому выстраивает полотно осмысленности» (Смирнов, 2015, с. 137). Философские рассуждения западных ученых о вещно-предметной онтологии бытия и динамической онтологии становления (Being and Becoming ontologies – Giordano, 2015) находят конкретное воплощение в различных направлениях психологической науки. П. Джордано применяет их для построения процессуально центрированной модели личности (Giordano, 2017). В экзистенциальной психологии со времен М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра известно, что «существование предшествует сущности». Д. А. Леонтьев, анализируя взгляды И. Пригожина, отмечает, что деятельность первична по отношению к психическим образованиям, а «актуальный, протекающий здесь и теперь процесс первичен по отношению к устойчивым структурам, которые являются скорее следствиями этого процесса» (Леонтьев, 2018, с. 11). В психологических исследованиях Я-концепции сегодня наблюдается смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств на динамические способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности.

Для А. В. Брушлинского диалектическая изменчивость природного и социального миров (включающих в том числе и не изменяющиеся в течение какого-то времени объекты) была аксиомой. Неудивительно, что он рассматривал мышление как «отражение непрерывно меняющихся существенных условий жизни» (Брушлинский, 2006, с. 374).

Фактически сказанное выше означает, что в современной науке в известной формуле «Бытие определяет сознание» сегодня акцент целесообразно делать на первой ее части – бытии. Отсюда вытекают принципиальные следствия для психологии личности. В XX веке мы искали в ней устойчивые структуры и называли их свойствами – тревожность, ригидность, макиавеллизм и т. п. Теперь пришла пора задуматься над тем, как в сложном мире, по словам Л. И. Анцыферовой, «изменить себя, не изменяя себе». Иначе говоря, в изменчи-

вом мире психологи должны изучать динамику становления субъектной сущности человека, не утрачивая его внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия.

Деятельность—духовность—субъект

После А. Н. Леонтьева в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы — мотивы, цели, действия, операции. Некоторую надежду на современное переосмысление оснований психологической теории деятельности дает масштабный цикл исследований А. В. Карпова. В нем «предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы деятельности, в качестве которых выступает совокупность базовых гносеологических планов исследования — метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного» (Карпов, 2015, с. 2).

Важность новых взглядов на проблемы деятельности в современном междисциплинарном научном контексте очевидна хотя бы потому, что без психологического анализа деятельности невозможно сколько-нибудь полно раскрыть содержание основных понятий психологии человека — «психика», «субъект» и др. Сегодня становится очевидным, что центральное место среди них занимает феномен духовности. Духовность — самое человеческое в человеке, отличающее его от остального живого. Духовность — стержень развития субъекта, формирования в человеке субъектных качеств. Хочу особо подчеркнуть, что для меня духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности — она в равной мере присуща всем людям, верующим и атеистам. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологическом описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личнос-

ти, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект — деятельности, общения, созерцания, постижения и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Духовность как психическое состояние включает в себя и направленность на самотрансформацию внутреннего мира субъекта, и трансценденцию, такой выход за пределы себя, который предполагает абстрагирование, временное отчуждение человека от своей телесной оболочки. Достижение такого состояния всегда предполагает сознательную, а иногда и бессознательную работу над собой или, иначе говоря, деятельность. Это хорошо понимал А. В. Брушлинский: в его избранных сочинениях категория «духовность» встречается более шестидесяти раз. На уровне определения суть обсуждаемого феномена точно подметил В. П. Зинченко: «Духовностью называют поиск, практическую деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения истины, для самоопределения. Точнее, духовность — духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по самосозиданию, самоопределению, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоянье человека, ни величие его» (Зинченко, 2003, с. 86).

В современной научной литературе воплощение в одном феномене деятельностных, саморефлексивных и трансцендентных компонентов представлено в категории «духовно-практического знания». Общим социогуманитарным контекстом его разработки послужили размышления М. Фуко и П. Адо (Адо, 2005; Фуко, 2007), а конкретно-психологическим — публикации А. В. Брушлинского (Брушлинский, 2006). Основой научных взглядов названных ученых стали два принципиальных соображения:

- 1) для понимания мира, познания истины субъект не может оставаться таким, какой он есть: достигнув высшего уровня активности, целостности, автономности, человек должен еще преобразоваться, превзойти самого себя;
- 2) познание неразрывно связано с деятельностью, а декларативное знание (знаю «что») с процедурным (знаю «как»).

Из этих оснований в психологии развивается не субъектный, а субъектно-деятельностный подход А. В. Брушлинского. В философии — идущее от античных мыслителей и творчески развитое М. Фуко

и П. Адо представление о том, что наша собственная жизнь является произведением, которое мы должны создать. Способами создания являются «практики себя» (Фуко, 2007) и «духовные упражнения» (Адо, 2005).

Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия, «духовность» и «практика», следует говорить о духовно-практическом знании. Для раскрытия его содержания необходимо обратиться, прежде всего, к феномену «духовного знания» (Фуко, 2007). М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, — это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте. Категория «духовное знание» очень созвучна с рубинштейновским пониманием человека не только как субъекта познания и действия, но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни, человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе.

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что А. В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное — «это не *над*психическое,

а различные качества *психического* как важнейшего атрибута субъекта (Брушлинский, 2006, с. 601).

Таким образом, интеллектуальность, нравственность субъекта и его направленность на приобщение к необычным формам бытия проявляются в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях. Согласно П. Адо, духовные «упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, т. е. снова помещает себя в перспективу Всего („увекочить себя, себя превосходя“)» (Адо, 2005, с. 22). Духовные упражнения необходимы для преобразования бытия и, соответственно, видения мира субъектом. «Следовательно, они обладают не только моральной, но также и экзистенциальной ценностью. Речь не идет о кодексе хорошего поведения, но об образе бытия в глубочайшем смысле термина. Название „духовные упражнения“ в общем-то оказалось наилучшим, потому что оно означает, что речь как раз идет об упражнениях, вовлекающих в себя весь ум» (там же, с. 67). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия.

Именно духовно-практическое знание является наиболее подходящим для анализа тех изменений, которые характеризуют второй этап развития психологии субъекта. На первом, фактически содержательно-структурном познавательном этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления характеризовался направленностью исследователей на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы. На втором этапе, наступившем судя по публикациям в десятые годы нашего столетия, главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например, духовные практики, с помощью которых она происходит.

Заключение

Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке ак-

тивного начала — к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследований — самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др. Сегодня нам важно осознавать, что именно А. В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). Он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем.

Самотрансформация, самопреобразование субъекта характеризуют не только область психологического знания, но и работающих в ней ученых — как учеников А. В. Брушлинского, так и других. В частности, я, описывая признаки второго этапа развития психологии субъекта, изменяю не только это предметное поле, но и себя как субъекта научной деятельности. И это нормально: на этом пути нас ждет еще немало открытий и перспективных направлений исследований.

Литература

- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.—СПб.: Степной ветер—ИД «Коло», 2005.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Зинченко В. П.* Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81—91.
- Карпов А. Б.* Психология деятельности. В 5 т. Т. I: Метасистемный подход. М.: РАО, 2015.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 506—512.
- Леонтьев Д. А.* Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 9—14.

- Смирнов А. В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеже де Франс в 1981–1982 уч. году. СПб.: Наука, 2007.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Giordano P. J.* Being or becoming: Toward an open-system, process-centric model of personality // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. V. 49. Iss. 4. P. 757–771.
- Giordano P. J.* Individual personality is best understood as process, not structure // Culture and Psychology. 2017. V. 23. Iss. 4. P. 502–518.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
- Zhang L. F.* Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // Educat. Psychol. 2002. V. 22. № 3. P. 331–348.

**A modern interpretation of the ideas of A. V. Brushlinsky:
from holistic thinking to human psychology
as a spiritual human being who transforms himself**

V. V. Znakov (Moscow)

Doctor of psychology, Professor, Institute of psychology, RAS

The article analyzes three problems that are important both for A. V. Brushlinsky and for modern research in different areas of modern socio-humanitarian knowledge. The first problem is analytical and holistic thinking of people. The second – the analysis of change of a point of view of scientists on a ratio of a statics and dynamics of the modern world. The third problem consists in need to rethink the activity bases of formation of spirituality and other psychological qualities of the active, transforming itself subject. It is concluded that the focus on the transformation of man himself is manifested in many areas of modern psychological research – self-determination, the study of changes in the awareness of their own identity and others. The General sociohumanitarian context of these studies was the reflections of M. Foucault and P. Ado, and specifically-psychological – publications of A. V. Brushlinsky. Using the metaphor of M. Foucault, it was A. V. Brushlinsky in this area of psychological knowledge, should be called “the founder of discourse”.

Keywords: holistically thinking, spirituality, self-transformation of man.